

Очевидно, что научный арсенал трудового права оказался недостаточным для разработки концепции. В науке трудового права до сих пор не решены проблемы конституционального значения для отрасли, претендующей на самостоятельность и в будущем. В связи с экономическими преобразованиями обострилась проблема определения предмета регулирования, особенно наглядно это продемонстрировала дискуссия о т.н. "работающих-собственниках". Понятийный аппарат трудового права разработан лишь на прикладном уровне, а на доктринальном - практически отсутствует. Не определен и объект трудового правоотношения. И это лишь верхушка айсберга проблем науки трудового права. Поэтому есть основания сомневаться в том, что детально проработанная концепция появится в ближайшее время.

Кардинальное реформирование трудового права представляется осуществимым лишь при отнесении его к частно-правовой сфере, что отвечает и потребностям построения гражданского общества в нашей стране. Частно-правовой путь развития изначально был предназначен для трудового права. И в большинстве развитых зарубежных стран трудовое право, будучи при этом достаточно обособлено, базируется на частно-правовых принципах. В связи с этим, закономерен вопрос о возможности существования российского трудового права как самостоятельной отрасли в сфере частного права. Даже учитывая компромиссность такого решения, оно вряд ли может быть реализовано достаточно быстро.

В России исторически отсутствовало четкое деление права на частное и публичное. В постсоветской России процесс становления частного права только начался с утверждения Указом Президента РФ ОТ 7.07.1994г. №1473 программы "Становление и развитие частного права в России". Поставленные в программе цели, в частности формирование и внедрение в практику частно-правовых идей и представлений, рассчитаны на долговременные перспективы.

Сохранению трудового права как самостоятельной отрасли в сфере частного права препятствует и само понимание частного права, изложенное в программе: "Частное право в России ... должно иметь в качестве своего основного источника гражданский кодекс и другие акты гражданского законодательства". Следовательно, и для трудового права основным источником должен стать гражданский кодекс. Подобное положение объективно предполагает реинтеграцию трудового права в гражданское.

Состояние науки трудового права также ставит под сомнение целесообразность существования трудового права в качестве самостоятельной отрасли. В то же время, обособление трудового права возможно в рамках подотрасли, что позволило бы, с одной стороны, распространить на отношения найма труда общие положения гражданского права, а с другой, сохранить специфику в их правовом регулировании.

1. Маврин С.П., Хохлов Е.Б. О кодификации трудового законодательства России.// Государство и право. - 1996. - №6 - с.43.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИДЕРСТВА В ПРЕСТУПНЫХ ГРУППАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Прокументов Л.М.

Все преступления, являющиеся основным компонентом преступности, можно условно разделить на две большие части: в первую часть войдут общественно опасные деяния, совершенные конкретными физическими лицами индивидуально (в одиночку), а во вторую - деяния, совершенные совместно с другими лицами (в группе). Вполне естественно, что общественная опасность каждой из составных частей преступности будет неодинаково. В этой связи в уголовно-правовой и криминологической литературе справедливо указывается на относительно большую общественную опасность **совместного** совершения преступления. Исследователи отмечают, что данное обстоятельство связано с относительно более сложным процессом детерминации общественно опасного поведения участников преступления. Действительно, в этом процессе целенаправленно участвуют (т.е. побуждают, содействуют и т.п.) конкретные лица – реальные участники общественных отношений. Определить уровень общественной опасности действий каждого из участников совместной преступной деятельности – задача довольно сложная, но необходимая, поскольку только через ее решение возможно говорить об организации предупредительного воздействия на группу.

В отечественной уголовно-правовой и криминологической науках проблема критериев степени общественной опасности изучалась в основном применительно к **опасности конкретного деяния**, предусмотренного уголовным законом.

Критериям опасности для общества **тех или иных явлений, того или иного вида человеческой деятельности**, к сожалению, внимания уделялось недостаточно. Данное положение в полной мере относится и к деятельности лиц, входящих в различные преступные группы. Поскольку лица, входящие в

преступные группы выполняют в последних совершенно разные роли, то можно утверждать, что и общественная опасность их деятельности будет неодинаковой.

Уголовное право делит всех участников совместной преступной деятельности по роли, которую они выполняют в процессе совершения преступления, на исполнителей, организаторов, пособников и подстрекателей. В криминологических исследованиях можно нередко встретить слово “лидер”, к которому, кстати, часто прибегают и практические работники. Именно последние (лидеры) и будут являться предметом нашего рассмотрения.

Прежде всего отметим, что в криминологических исследованиях и на практике вызывают сложности определения лиц, которых можно считать лидерами групп. Происходит это, во-первых, по причине отсутствия понятия “лидер” в уголовном законе и, во-вторых, в невольном отождествлении практическими работниками данного понятия с известными уголовному праву понятиями “организатор”, “руководитель”. Более того, подобное отождествление нередко приходится наблюдать и в работах криминологов. Так, В.С. Овчинский, изучая криминогенные проявления в молодежной среде, говорит о том, что почти половина лидеров антиобщественных групп несовершеннолетних и молодежи ранее отбывали наказания в воспитательно-трудовых колониях¹. В то же время каких-либо аргументов, подтверждающих то, что указанные автором лица действительно являлись лидерами антиобщественных групп, а не их организаторами, руководителями или просто активными участниками, автор не приводит. Примерно по такой же схеме поступают и другие исследователи.

Представляется, что подобное отождествление понятий “лидер”, “организатор”, “руководитель” без какой-либо научной аргументации не только не раскрывает сущности самих понятий, используемых исследователями при анализе практических материалов, но часто приводит к искажению научной обоснованности результатов конкретных исследований и далеко не лучшим образом влияет на восприятие этих дефиниций (и отношения к ним) практическими работниками. Так, проведенное нами исследование деятельности органов внутренних дел по предупреждению групповой преступности несовершеннолетних в ряде регионов Российской Федерации показало, что для подавляющего большинства работников понятия “лидер”, “руководитель” и нередко “организатор” являются идентичными. Такое отождествление рассматриваемых понятий не ориентирует практических работников на изучение действительной, реальной структуры преступных групп несовершеннолетних, внутригрупповых связей, места каждого члена группы в иерархии этих связей. Одним из аргументов, подтверждающих высказанное выше предположение, является тот факт, что, несмотря на большие “успехи” в борьбе с групповой преступностью несовершеннолетних в конкретных регионах, которые выражались в выявлении самих групп, определения их структуры, определения роли каждого участника в группе и в деятельности, которую группа осуществляла и, в конечном итоге, изоляцию “лидеров” преступных групп, последние не только не распались, но продолжали функционировать. Это является доказательством не только сохранения внутригрупповых структур, но и лидеров групп.

Представляется, что только в рамках уголовно-правовой или криминологической наук правильно подойти к решению вопроса о лидерстве в преступных группах вообще и преступных группах несовершеннолетних, в частности, не представляется возможным, поскольку данное понятие не является предметом изучения вышеназванных наук. Необходимо обратиться к исследованиям специалистов в области социальной психологии. Такой подход к изучению отдельных понятий, имеющих важное значение для познания преступности, в том числе и преступности несовершеннолетних, не является новым для криминологии², однако мы не можем говорить о том, что этот подход нашел широкое применение в криминологических исследованиях, относящихся к анализу групповой преступности несовершеннолетних.

Термин “лидер” заимствован криминологической наукой из социальной психологии, где существует множество определений данного понятия, что само по себе указывает на имеющуюся сложность в его определении. Очевидно, есть смысл привести некоторые из имеющихся определений понятия “лидер”.

По мнению А.С. Жеребовой, лидер – это участник группы, “который выдвигается в результате взаимодействия ее членов и организует вокруг себя группу при соответствии его норм и ценностных ориентаций с групповыми и способствует организации и управлению этой группой при достижении групповых целей”³.

Авторы краткого психологического словаря считают, что лидер – это член группы, “за которым она признает право принимать решения в значимых для нее ситуациях; индивид, который способен играть центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимодействия в группе”⁴.

По мнению А.В. Петровского лидер группы – это индивид, обладающий “наибольшим статусом (закрепленными за ним правами и обязанностями) и престижем (отражение меры его заслуг и вклада в общее дело)”⁵.

В социально-психологических исследованиях приводятся и иные определения понятия “лидер”, однако мы, не останавливаясь на них, отметим, что в них также констатируется жизнеспособность

анализируемого понятия с такими категориями, как: “выдвижение”, “избрание”, “организация совместной деятельности членов группы”, “соответствие норм и ценностей лидера нормам и ценностям групп”. В этих исследованиях подчеркивается, что с позиции социальной психологии **лидерство связано в основном с регулированием внутригрупповых, межличностных отношений, носящих неофициальный характер**, т.е. лидерство представляет собой **главным образом феномен микросреды**. По мнению большинства исследователей лидерство возникает и функционирует, как правило, стихийно. Поэтому, отмечает Г.М. Андреева, лидерство есть чисто психологическая характеристика поведения определенных членов группы и содержательно отличается от руководства, являющегося преимущественно социальной характеристикой отношений в группе и выполняющего функции распределения ролей управления и подчинения⁶.

Близкую к изложенной трактовку понятий лидерства и руководства предлагает И.П. Волков, считающий, что руководство представляет собой процесс правовой организации и управления совместной деятельностью членов коллектива, осуществляемой руководителем как посредником социального контроля и власти. Лидерство – процесс внутренней социально-психологической организации и управления общением и деятельностью членов малой группы и коллектива, осуществляемый лидером как субъектом спонтанно формирующихся в межличностных отношениях групповых норм и ожиданий⁷. Практически аналогичное разграничение понятий “лидерство” и “руководство” содержится и в исследованиях Б.Д. Парыгина⁸.

Вместе с тем считаем важным отметить тот факт, что практически все исследователи указывают на известную относительность различий феноменов лидерства и руководства, констатируя наличие диалектической взаимосвязи и взаимопроникновения этих феноменов. Так, руководитель может одновременно выступать в роли лидера; в свою очередь лидерство при определенных условиях способно перерасти в руководство и т.д. Исследователи отмечают, что значительная общность задач, решаемых руководителем и лидером, сближающая содержание реализуемых ими функций, придает их деятельности черты идентичности⁹. Нам представляется, что сходство рассматриваемых понятий можно усмотреть и в том, что в каждом из них как бы “схватывается” вертикальный срез соответствующих (официальных и неофициальных) отношений в группе, представленный с одной стороны позицией доминирования (для одних членов группы), с другой – подчинения (для других членов группы). Однако подчеркнем, что **принципиально различной остается природа рассматриваемых феноменов**.

Таким образом, можно говорить о том, что лидер – понятие социально-психологическое. Данное понятие обозначает лицо, имеющее наиболее высокий статус в группе (самый выбираемый), а поэтому отождествление лидера с выполняемыми лицом функциями в группе не совсем корректно. Конкретный член группы может быть руководителем, организатором, но не быть лидером в собственном смысле слова, и наоборот.

Чем в большей мере совпадает позиция лидера с осуществляемыми им функциями руководителя, организатора, тем сплоченнее, сильнее группа. Напротив, при отсутствии такого отождествления в реальной практике – группа менее сплоченная. Важно учитывать, что группа с лидером – это практически всегда группа с определенными ценностями, и по качествам лидера можно говорить о культивируемых в группе нормах, ценностях.

В социально-психологической литературе содержится анализ и различных типов лидеров в зависимости от выполняемых ими функций в группе. Например, Р.Л. Кричевский и М.М. Рыжак выделяют делового лидера, т.е. члена группы, действия которого направлены на решение поставленных перед группой задач, и эмоционального лидера, действия которого направлены в основном на поддержание внутригрупповой интеграции¹⁰.

Л.И. Уманский и его сторонники выделяют лидеров-инициаторов, т.е. тех, кто осуществляет функцию групповой интеграции; лидеров-интеграторов эмоционального настроения (аналогично с эмоциональным лидером); лидеров-эрудитов; лидеров-мастеровых; и т.п.¹¹

В социально-психологических исследованиях отмечается, что лидеры конкретных микрогрупп могут оказывать значительное влияние и на другие микрогруппы. Последнее возможно в том случае, когда в определенной общности выделяется лидирующая группировка, играющая важную роль в формировании в ней определенного общественного мнения и соответствующего эмоционального настроения¹².

На наш взгляд, приведенные выше общие положения социально-психологической науки необходимо учитывать и при исследовании внутригрупповых связей, определения структуры в преступных группах несовершеннолетних. Мы понимаем, что и проблема лидерства в преступных группах несовершеннолетних имеет некоторые особенности по сравнению, например, с лидерством в любой иной социальной группе, поскольку любое противоправное поведение имеет свою психологическую специфику. Конкретно, специфика таких групп проявляется в их закрытости, наличии элементов

конспирации, искаженности моральных и нравственных ценностей, наличии своей, особой субкультуры, “своих” норм, “своей” атрибутики и т.п.¹³

Однако и в таких группах основной функцией лидера является создание связей, отношений как внутри группы, так и за ее пределами. **Создание, формирование и развитие связей** в преступных группах несовершеннолетних мы рассматриваем как процесс создания нового продукта, т.е. мы считаем, что осуществляется **производство отношений, чуждых** тем отношениям, которые приняты в данном обществе, и эти новые отношения направлены во вред позитивному развитию одобряемых в обществе отношений. Следовательно, можно и нужно говорить о **повышенной степени общественной опасности деятельности лидеров преступных групп несовершеннолетних.**

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что влияние лидера в любой группе вообще, а в преступной группе, в частности, невозможно без глубокого изучения внутренней структуры группы, без выяснения основных связей, сложившихся между членами конкретной группы как внутри ее, так и за ее пределами.

Многие научные и практические работники, занимающиеся изучением преступных групп с участием несовершеннолетних (и вообще преступных групп), как правило, пытаются осуществить такое изучение применительно к совершенному группой (или отдельными ее участниками) преступлению. Данный подход предполагает определение места и времени совершения преступления, определение функций субъекта и его роли (именно субъекта преступления), выяснение конкретных связей субъекта с другими участниками преступления в процессе его подготовки и осуществления. С позиции уголовно-правовой науки такой подход вполне правомерен и достаточен, однако, с позиции криминологической науки данный подход не является достаточным, поскольку не позволяет выяснить реальную структуру преступной группы, а, следовательно, и установить ее лидера. Поэтому на практике мы нередко становимся свидетелями того, как к уголовной ответственности привлекаются лишь конкретные исполнители преступления, а лидеры преступных групп остаются в стороне, поскольку непосредственного участия в совершении конкретного преступления не принимали. Подобное положение приводит к тому, что вместо реальных лидеров преступных групп несовершеннолетних (и других также) и исследователи, и практические работники говорят об организаторах, руководителях конкретных преступлений, совершенных совместно несколькими лицами. Т.е. опять же происходит отождествление понятий “лидер”, “руководитель”, “организатор”. Подмена этих понятий на практике приводит к тому, что сохранение лидеров в преступных группах позволяет последним не только не прекращать свою преступную деятельность, но, нередко, активизировать ее и, что самое опасное, осуществлять экспансию на общественно значимые интересы, например, вовлекая в группы новых членов из числа законопослушных подростков, расширяя тем самым криминогенное пространство. В осуществлении такой деятельности лидерами мы также усматриваем их повышенную общественную опасность.

Все сказанное выше позволяет нам говорить о необходимости более серьезного отношения к изучению преступных групп, определению их структуры, выявлению реальных лидеров этих групп, учитывая высокую степень общественной опасности их деятельности, что, несомненно, повысит эффективность в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

1. Овчинский В.С. Криминогенные проявления в молодежной среде // Социологические исследования. 1987. №4. С. 86.
2. См.: Миньковский Г.М., Тузов А.П. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. Киев, 1987; Тарарухин С.А. Преступное поведение. (Социальные и психологические черты). М., 1974; Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971; Долгова А. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981 и др.
3. Жеребова Н.С. Лидерство в малых группах как объект социально-психологического исследования // Руководство и лидерство / под ред. Б.Д. Парыгина, Л., 1973, с. 60.
4. Краткий психологический словарь. М., 1985, с.161.
5. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982, с. 124.
6. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. С. 276.
7. Волков И.П. О личном авторитете руководителя // Социальная психология личности. Л., 1974. С. 79.
8. Парыгин Б.Д. Руководство и лидерство // Руководство и лидерство. Л., 1973. С. 11-12.
9. Любое взаимодействие людей, даже при минимальном их количестве, начинается с распределения функций. См.: Обозов Н.Н. Психология малых групп и коллективов // Социальная психология. Л., 1979. С. 12.
10. Кричевский Р.Л., Рыжак М.М. Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. М., 1985. С. 31-32.
11. См.: Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980; Зайцева Е.М. Состояние проблемы лидерства в контактных группах школьников и студентов // Социально-

психологические аспекты общественной активности личности и коллектива школьников и студентов. Ярославль, 1975.

12. См.: Буданов А.В. Ролевая структура неформальных групп и коллективов // Ребенок в системе коллективных отношений. М., 1972; Мальковская Т.Н. Выдвижение лидера в среде старших школьников и его влияние на товарищей // Руководство и лидерство. Л., 1973.
13. См.: Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993. С. 54-58.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Прокументов Л.М.

Осуществляемая в стране правовая реформа не только формирует новые концепции правоприменительной деятельности, но и ставит проблемы, связанные с адекватным восприятием новых правовых актов и их оцениванием. В частности, достаточно непростой выглядит ситуация с субъективным пониманием и усвоением только что принятых или предлагаемых к принятию законодательных актов студентами, изучающими правовые дисциплины. В отличие от практиков и преподавателей, у которых, по общему правилу, выработалась четкая позиция относительно “качества” того или иного закона и предлагаемого к принятию законопроекта и их эффективности у сегодняшних студентов, изучающих право, эту позицию еще только следует сформировать. Но известно, что осмысление подлинного содержания нового закона неизбежно сопряжено с отрицанием положений нормативных актов, действовавших ранее. Заметим, что нередко при этом ревизии подвергаются те идеи, обоснование которых являлось задачей и содержанием предшествующих учебных занятий. Процесс этот является объективным, однако поправка на данное обстоятельство должна учитывать разумное сочетание логического и исторического моментов. Необходимо установление и определение внутренних связей между новыми общественными приоритетами и изменениями в законодательстве. Представляется, что только таким образом можно избежать проявлений правового нигилизма, несовместимого с будущей деятельностью формирующегося специалиста.

На наш взгляд, в целях эффективного использования накопленного нашими предшественниками материала, разумно применять в обучении студентов методики сравнительного правоведения, которые позволяют проникнуть в суть состоявшихся или предполагаемых изменений в правовом регулировании однотипных общественных отношений. Рассматривая, например, вопрос о системе наказаний, необходимо донести до обучающегося идею гуманизации наказания, реализованную в Уголовном кодексе РФ 1996 года, увязав ее с необходимостью отказа от таких наказаний, которые исчерпали себя (например, ссылка, высылка), и обосновав новый подход и схему его реализации.

Вполне естественно, что использование данной методики предполагает и возможность применения в обучении студентов альтернативных предложений по изменению законодательства, которыми так богата юридическая периодика в настоящее время. Данное положение представляется крайне важным, поскольку способствует более объективному оцениванию нового закона и может рассматриваться в качестве средства от апологетического толкования официального закона (или законопроекта). Схема работы преподавателя при использовании методики сравнительного правоведения достаточна проста: через критическую, дискуссионную постановку проблем к позитивному знанию.

Формы, в которых можно реализовать данную методику, могут быть как традиционными для высшей школы: лекции, семинарские занятия, так и редко применяемые, например, деловая игра.

В последние годы нередко можно услышать от специалистов, что лекция как основная форма учебного процесса “изжила себя”, что правильная организация самостоятельной работы студентов более эффективная форма обучения. Представляется, что реальности сегодняшней ситуации в юридическом образовании позволяют признать такую позицию необоснованной. На наш взгляд, именно через мировосприятие лектора, истолкования им научной истины, через его логику и способность аргументировать студент может яснее понять суть правового явления, его содержание и структуру.

Систематизация и анализ нового законодательного материала самим студентом на требуемом уровне из-за его обилия, противоречивости предлагаемых в специальной литературе концепций, несовершенства самой законодательной техники представляется крайне трудным. Именно лектор должен помочь студенту понять смысл закона (или предлагаемого законопроекта) и избежать в усвоении его содержания ошибок, которые впоследствии могут отразиться на практической деятельности сегодняшних студентов.

Именно такая организация учебного процесса позволит наиболее эффективно использовать возможности самих студентов в процессе осуществляемой ими самостоятельной работы по конкретной учебной дисциплине.